

*А.В. Бодров**

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ФРАНЦИИ 1870–1873 гг.: НЕПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ К «ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ»

Германская оккупация Франции 1870–1873 гг. относится к числу малоизученных тем даже в рамках французской историографии, особенно в сравнении с интересом к аналогичному опыту мировых войн. Проблема воссоздания объективной и по-настоящему всеобъемлющей картины оккупации остается в полной мере актуальной и до конца не решенной. В статье предпринимается попытка очертить особенности германской оккупации, глубину порожденных ею конфликтов, а также основные клише восприятия друг друга победителями и побежденными. Этот анализ учитывает также хронологию и характер разворачивавшихся политических событий и боевых действий. Хронология самой оккупации распадается на два периода: период войны и период послевоенной («гарантийной») оккупации во исполнение условий мирного договора (март 1871 г. – середина сентября 1873 г.)

Ключевые слова: Франко-германская война 1870–1871, оккупация, «Тотальная война», заложники, сопротивление, восприятие

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-257-277

Германская оккупация Франции 1870–1873 гг. относится к числу относительно малоизученных даже в рамках французской историографии тем, особенно в сравнении с интересом к аналогичному опыту мировых войн¹. Обе наиболее фундаментальные современные монографии о Франко-германской войне 1870–1871 гг. – Ф. Рота и С. Одуэна-Рузо уделяют внимание лишь некоторым ее аспектам². Недавние работы А. Гутмана и П. Милзы носят в большей мере научно-популярный характер и темы оккупации практически не касаются, тогда как А. Диру сосредотачивается исключительно на дихотомии «сопротивление – репрессии»³. Специальные рабо-

** Андрей Владимирович Бодров, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.*

¹ Подробнее см.: *Roynett O. Vainqueurs et vaincus: réflexions sur l'historiographie de l'occupation en Europe (XIXe siècle – Première Guerre mondiale) // Les comportements collectifs en France et dans l'Europe allemande 1940–1945. Rennes, 2015. P. 285–292.*

² *Audoin-Rouzeau S. 1870. La France dans la guerre. P., 1989; Roth F. La guerre de 1870. P., 1990.*

³ *Gouttman A. La grande défaite, 1870–1871. P., 2015; Milza P. «L'année terrible». Vol.1 La guerre franco-prussienne, septembre 1870–mars 1871. P., 2009; Dirou A. La guérilla en 1870: résistance et terreur. P., 2014.*

ты, посвященные теме оккупации, ограничиваются немногочисленными неопубликованными диссертациями, отдельными главами и статьями⁴.

Между тем отклик современников на опыт войны и оккупации был весьма значительным. Уже в 1870-е гг., параллельно с официальным расследованием обстоятельств поражения, усилиями французских властей по сбору сведений и оценке произведенного «нашествием» ущерба, в свет вышло поистине необозримое число работ, повествовавших о личном опыте очевидцев событий⁵. Что не менее важно, многие из них дополнялись публикацией документов и статистики.

Несмотря на несомненную ценность, вся эта литература обладала двумя существенными недостатками. Во-первых, ее авторы принадлежали почти исключительно к городской, наиболее образованной и благополучной части французского общества. По этой причине историография войны 1870–1871 гг. по большей части игнорировала повседневный опыт менее обеспеченных слоев и сельской глубинки. Во-вторых, все эти работы были выдержаны в подчеркнуто патристическом ключе, а их авторы, как представляется, переоценивали степень конфликтности взаимоотношений основной массы оккупированных и оккупантов, масштабы сопротивления первых и жестокость вторых. Как отмечает Г. Паризо, современная историография во многом оказалась заложницей этой матрицы восприятия событий 1870–1873 гг. Единичные попытки подвергнуть ревизии «мифы войны», подобные статье американского историка С. Кантера⁶, не привели к оживлению научной дискуссии, поскольку слишком откровенно уводили в иную крайность.

Проблема воссоздания объективной и по-настоящему всеобъемлющей картины германской оккупации 1870–1873 гг., таким образом, по-прежнему актуальна и до конца не решена. Охватить ее

⁴ Прежде всего, см.: *Farenc C. Guerre, information et propagande en 1870–1871: le cas de la Champagne // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1984. T. 31. N 1. P. 27–53; La guerre de 1870–71 et ses conséquences: Actes du XX colloque historique franco-allemand. Bonn, 1990; Parisot G. De la négociation comme instrument d'occupation pacifiée et d'exploitation économique efficace pendant la guerre de 1870–1871 // Le temps des hommes doubles. Les arrangements face à l'occupation, de la Révolution française à la guerre de 1870. Rennes, 2013. P. 279–302.*

⁵ См.: *Palat B.-E. Bibliographie générale de la guerre de 1870–1871. P., 1896.*

⁶ *Kanter S. Exposing the Myth of the Franco-Prussian War // War & Society. 1986. Vol. 4. Iss. 1. P. 13–30.*

в рамках статьи, разумеется, невозможно. Однако можно попытаться очертить особенности германской оккупации, глубину порожденных ею конфликтов, а также основные клише восприятия друг друга победителями и побежденными. При этом важно учитывать хронологию и характер разворачивавшихся политических событий и боевых действий. Хронология оккупации естественным образом распадается на период войны и период послевоенной, или, используя юридические термины, «гарантийной» оккупации с марта 1871 г. до середины сентября 1873 г. во исполнение условий Франкфуртского мирного договора.

* * *

Перспектива длительных боевых действий на французской территории и сопутствующей им необходимости эффективной оккупации значительной части Франции оказались полной неожиданностью для политического и военного руководства Пруссии. Импровизация в сложившихся обстоятельствах осложнялась дополнительно тем, что в ходе войны 1870–1871 гг. практически полностью отсутствовал феномен коллаборационизма, добровольного и активного сотрудничества с противником со стороны населения даже в протестантских и германоязычных районах Эльзаса. Функционеры Второй империи, как правило, отказывались от сотрудничества с немцами и после ее свержения. Согласно указаниям министра внутренних дел в сформированном 4 сентября 1870 г. республиканском правительстве «национальной обороны» Леона Гамбетты, ни один государственный служащий не должен был выполнять в официальном качестве распоряжений оккупантов. Это предписание исполнялось не только представителями администрации, но также и служащими почты и железных дорог⁷.

В связи с этим немцам пришлось пойти на создание собственной временной гражданской оккупационной администрации, задачей которой было, прежде всего, обеспечение безопасности коммуникаций в тылу действующей армии. Так 14 августа 1870 г. возникли первые два генерал-губернаторства со столицами в Страсбурге (Эльзас) и Нанси (Лотарингия). Первое своими границами почти в точности предвосхищало территорию будущей германской «имперской провинции» Эльзас-Лотарингии. Назначенный сюда генерал-губернатором граф Фридрих Бисмарк-Болен, дальний род-

⁷ Roth F. La guerre de 1870. P. 382–383.

ственник прусского министра-президента, в числе прочего, должен был подготовить край к предстоящей аннексии.

Генерал-губернатор Лотарингии прусский генерал Адольф фон Бонин получил под управление французские департаменты Мёрт-и-Мозель, Мёз и Вогезы, к которым впоследствии присоединились занятые немцами территории Верхней Марны, Верхней Соны и Кот д'Ор. 16 сентября по тому же образцу в Реймсе (Шампань) было учреждено третье генерал-губернаторство во главе с великим герцогом Мекленбург-Шверинским, охватившее своими рамками Эну, Арденны, Марну, Сену-и-Марну, Сену-и-Уазу и, позднее, департамент Об. Часть этих территорий затем была включена в состав учрежденного последним 16 декабря 1870 г. генерал-губернаторства в Версале (Иль-де-Франс и северные департаменты) под началом саксонца генерала Альфреда фон Фабриса. В Версале же, как известно, находилась и ставка Вильгельма I.

В помощь каждому из генерал-губернаторов были приданы два гражданских помощника и аппарат из 10–15 человек. Низовая организационная структура копировала французскую: в каждый оккупированный департамент направлялись префекты и супрефекты, облеченные финансовой, судебной и полицейской властью. Большинство этих функционеров происходило из рядов прусского дворянства и свободно говорило на французском, что облегчало контакт с мэрами и муниципальными советами, представлявшими интересы оккупированных. Заслуга последних в предотвращении хаоса и дезорганизации экономической и общественной жизни была исключительно велика⁸.

Первой заботой оккупационных властей становилось размещение на постоянной основе гарнизонов из частей Ландвера, а также восстановление силами местного населения и военных инженеров разрушенной инфраструктуры, необходимой для беспрепятственного сообщения с германским тылом. Масштаб, качество и скорость этих работ произвели впечатление на современников-французов⁹. Еще одним символом новой власти становилось введение принудительного курса франка к немецкой монете, получавшей

⁸ См.: *Diancourt V.* Les Allemands à Reims, 1870–1871. 2e éd. Reims, 1884; *Gollnisch A.* Quelques documents sur Sedan pendant la guerre et l'occupation, 1870–1873. Sedan, 1889; *Laguette J.-J.* Les Allemands à Bar-le-Duc et dans la Meuse, 1870–1873. Bar-le-Duc, 1874; *Parisot G.* Op. cit. P. 279–302.

⁹ См., например: *Ruble A., baron de.* L'Armée et l'administration allemandes en Champagne. P., 1872. P. 69.

на оккупированной территории свободное обращение. Вместе с армией появились и немецкие торговцы. Хранитель городской библиотеки Версаля Эмиль Делеро вспоминал в этой связи: «пруссакки устроились так основательно, что у нас складывалось ощущение, что это мы у них дома, а не они у нас <...> французский образ жизни сменился прусским»; «это более не было оккупацией, это, можно сказать, было началом колонизации»¹⁰.

Населению учреждаемых генерал-губернаторств было обещано спокойствие и порядок, сокращение и упорядочивание реквизиций. Жители деревень приглашались к возобновлению торговли на городских рынках под гарантии неприкосновенности их имущества, а также к возвращению к полевым работам. Повсеместно вновь открывались и школы, причем посещаемость занятий в учебный 1870/71 год упала незначительно по сравнению с мирным временем¹¹. Возобновлялся приостановленный было выход в свет местных французских газет; единственным условием был отказ от открыто враждебных немцам публикаций.

Как предполагает К. Фаренк, в этом проявилась реакция германских властей на появление в Париже правительства «национальной обороны», поначалу ими не признанного. Известно, что прусский министр-президент О. фон Бисмарк предпочел бы заключить скорейший мир со свергнутым Наполеоном III и надеялся опереться в стране на бонапартистов¹². На контролируемых немцами территориях, таким образом, должна была сохраняться «фикция императорской Франции, живущей почти нормальной жизнью в добром согласии с оккупантом»¹³. Основная масса французов поначалу и правда встречала германские войска с большей долей любопытства, нежели враждебности. Однако если у германских властей и были надежды вызвать здесь в пик революционному Парижу настроения в пользу скорейшего мира, то они не оправдались.

Сами немецкие участники войны часто отмечали, что население французских городов открыто демонстрировало почти неистребимую уверенность в конечной победе своей армии. Поведение французов служило точным барометром хода боевых дей-

¹⁰ Délerot É. Versailles pendant occupation. P., 1872. P. 146, 258–259.

¹¹ Kanter S. Op. cit. P. 22–23.

¹² См. подробнее: Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und die Friedensbahnung 1870/71. München, 1990. S. 195–203.

¹³ Farenc C. Op. cit. P. 30.

ствий. Военный врач-баденец Густав Вальц свидетельствовал, что известие об отражении штурма Страсбурга заставило жителей эльзасского Агно (нем. Хагенау) резко сменить тон: «прежние симпатии вновь набрали свою силу, и вместо ломаного немецкого вновь зазвучал ломаный французский», а стоило, скажем, французским войскам приблизиться к Дижону, как его жители «тотчас гордо поднимали головы» и устремлялись с театральными биноклями на городские стены¹⁴.

Политическая поддержка, полученная правительством «национальной обороны» от провинции, и его призывы превратить войну в подлинно «национальную» заставили германские оккупационные власти изменить и линию поведения на вверенных им территориях. Одним из наиболее ярких проявлений этого стало возвращение в октябре 1870 г. цензуры и постепенное закрытие большинства французских газет. Затем начала преследоваться торговля печатными изданиями вразнос, распространение французских газет, изданных вне оккупированной территории, и популярной бельгийской *Indépendant belge de Bruxelles*, также враждебной немцам. К концу войны, отмечает К. Фаренк, оккупантам удалось добиться практически полной монополии на информацию¹⁵.

Информирование населения о распоряжениях германских властей и происходящих событиях в выгодном немцам ключе окончательно было возложено на издававшийся в каждом генерал-губернаторстве собственный *Moniteur officiel*¹⁶. Густав Дежарден вспоминал о своем опыте чтения подобного издания: «Эта газета была самой жестокой из пыток завоевателей. При ее виде на стенах сначала с ужасом отворачиваешься; но, не имея никаких верных новостей, заканчиваешь тем, что подходишь в надежде прочесть между строк что-нибудь ободряющее. Увы! Там нельзя было почерпнуть ничего кроме стыда и отчаяния»¹⁷. Неудивительно, что многие пережившие опыт германской оккупации отмечали тяжесть изоляции от внешнего мира и невозможность получить но-

¹⁴ Waltz G. Erlebnisse eines Feldarztes der badischen Division im Kriege 1870–71. Heidelberg, 1872. S. 20, 74.

¹⁵ Farenc C. Op. cit. P. 32.

¹⁶ Часть выпусков этих изданий впоследствии собиралась и перепечатывалась. См., например: *Le Moniteur prussien de Versailles* / Publ. par D'Heylli. 2 vol. P., 1871.

¹⁷ Desjardins G. Tableau de la guerre des Allemands dans le département de Seine et Oise. P., 1873. P. 71.

ности иначе как от противника. Это способствовало тому, что население с большей готовностью верило самым невероятным небылицам, нежели реальным сведениям¹⁸.

Между тем контроль германских войск над оккупированной территорией никогда не был полным. Свободное перемещение населения прямо не ограничивалось, хотя и было в силу естественных причин затруднено. Эмиссары правительства «национальной обороны» достигали самых отдаленных уголков страны. Самым ярким примером может служить одиссея республиканского префекта департамента Нижний Рейн Эдмона Валентена, сумевшего попасть в сентябре 1870 г. в осажденный Страсбург несмотря на то, что был объявлен прусским командованием в розыск¹⁹.

Довольно активным оказался отклик жителей оккупированных областей на призыв своего правительства вступать добровольцами в формируемые новые армии. Масштаб проблемы заставил генерал-губернатора Эльзаса в середине декабря даже ввести систему пропусков для мужчин от 17 до 45 лет и объявить «дезертиром» под страхом конфискации имущества всякого, кто запишется во французскую армию²⁰. Это не решило проблемы роста сопротивления, отчасти ставшего реакцией на тяготы, связанные с пребыванием в Северной Франции более 800 тыс. солдат противника.

Даже жителей Версаля, где размещалась германская главная квартира, не миновали ни систематические реквизиции, ни штрафы за их неисполнение в срок, ни грабежи. Понятие «поставок для удовлетворения нужд германских войск» носило широкий характер и включало не только столовую утварь, но и спальные принадлежности, разнообразные предметы одежды. Возмущению местных жителей не было предела, когда они обнаруживали свои сданные таким образом личные вещи у перекупщиков, торговавших ими тут же на улицах. Одним из самых экзотичных требований оккупационных властей стало предписание обеспечить войска елями по случаю празднования Нового 1871 года²¹. Впрочем, реквизиции чаще отражали не желание продемонстрировать при-

¹⁸ Roth F. La guerre de 1870... P. 395–396.

¹⁹ Chrastil R. The Siege of Strasbourg. Harvard, 2014. P. 189–190.

²⁰ Roth F. La Lorraine annexée: Étude sur la Présidence de Lorraine dans L'Empire allemande (1870–1914). 2e éd. Nancy, 2007. P. 27–28.

²¹ Sauvée-Dauphin N. L'occupation prussienne à Versailles // La guerre de 1870–71 et ses conséquences... P. 239.

вилегированное положение победителя, как это воспринималось французами, а реальные проблемы снабжения германской группировки во Франции по немногочисленным железным дорогам.

Отчасти эта ситуация была запрограммирована тем, что прусская армия ради стремительности маршей с самого начала брала с собой лишь самый минимум обозов. Солдаты не располагали палатками, так что альтернативой размещению на постой была ночевка под открытым небом²². Особенностью германской оккупации во время войны было то, что германские войска постоянно находились в движении и редко оставались во французских городах и деревнях надолго. Поэтому самым сильным впечатлением местных жителей остался шок внезапного появления немцев, которых требовалось немедленно обеспечить постоем, провиантом и фуражом. Особенно тяжело приходилось городам, через которые пролегли постоянные маршруты переброски войск и пополнений.

Подобная ситуация заставляла, таким образом, германских солдат постоянно вступать в контакт с местным населением. Многие оказались в чужой стране впервые, что порождало проблему коммуникации и агрессию. Непонимание часто принималось за пассивное сопротивление, преодолеть которое следовало посредством силы или угроз²³. Проще всего солдатам было поладить с хозяевами в том случае, если «непрощенных гостей» было немного. В противном случае все заканчивалось полным разорением французов. Офицеры предпочитали закрывать глаза на грабеж, пока это не угрожало дисциплине вверенных им подразделений. Тем не менее нередко были и успешные попытки налаживания контакта и взаимопонимания.

Солдаты, при наличии такой возможности, размещались в оставленных французской армией казармах или любых зданиях, способных их принять. В крупных городах на постой среди обывателей размещались преимущественно офицеры, и большинство из них вело себя вполне корректно. Что касается рядовых, то большинство из них сами были крестьянами, что нередко заставляло их проявлять сочувствие к семьям, у которых их размещали.

²² Stoneman M.R. The Bavarian Army and French Civilians in the War of 1870–1871: A Cultural Interpretation // War in History. 2001. Vol. 8. Issue 3. P. 283.

²³ Rohkrämer T. Daily Life at the Front and the Concept of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871. Cambridge, 1997. P. 504.

Известны случаи, когда германские солдаты не только стремились по возможности меньше стеснять хозяев, но даже предпринимали попытки помочь тем, так или иначе, по хозяйству²⁴.

Любопытно, что в начале войны французское население по-разному относилось к пруссакам и жителям южнонемецких государств: Баварии, Бадена и Вюртемберга. Их независимость всегда отстаивалась дипломатией Второй империи, и негативный их образ до войны отсутствовал. Поэтому неудивительно, что южным немцам пришлось столкнуться с упреками столовавших их французов в том, что Бавария и Баден «подло подвели Францию»²⁵. Похвалы образу действия неприятельских офицеров часто объяснялись французами тем, что те не относились к пруссакам по рождению²⁶. Классификация могла быть довольно подробной. Один из современников, например, отдавал предпочтение вюртембержцам и саксонцам; мекленбуржцев же, напротив, считал самыми чёрствыми, а уроженцев Силезии – самыми жестокими и склонными к грабежу²⁷.

Поскольку главным объектом неприязни для местного населения с самого начала войны были пруссаки, многие немецкие солдаты в надежде поладить с местными жителями и сами нередко стремились подчеркнуть существующие различия. То же самое относилось и к той части, что стала прусскими подданными недавно или не питала к Берлину особенно теплых чувств: полякам, ганноверцам, саксонцам²⁸. Впрочем, образ действий тех же южнонемецких контингентов мало чем отличался от поведения их прусских собратьев по оружию, так что к лету 1871 г. французские крестьяне в Лотарингии ругательно именовали «пруссакми» уже всех немцев без исключения²⁹.

Дисциплина германских войск намного хуже поддерживалась в зоне боев и на маршах. Взять на марше что-то у французского крестьянина, чтобы тут же съесть или выпить, за воровство не считалось³⁰. Организованные реквизиции немецкие войска оплачивали соответствующими расписками. В том же, что выходило

²⁴ *Sauvée-Dauphin N.* Op. cit. P. 240.

²⁵ *Waltz G.* Op. cit. S. 35.

²⁶ См., например: *Saucerotte T.* Lunéville pendant la guerre et le rapatriement. P., 1872. P. 13.

²⁷ *Ruble A.* Op. cit. P. 26–27.

²⁸ *Sauvée-Dauphin N.* Op. cit. P. 239.

²⁹ *Laussedat [A.].* La délimitation de la frontière franco-allemande. Souvenirs et impressions. P., 1901. P. 88.

³⁰ *Stoneman M.R.* Op. cit. P. 284–285.

за пределы обеспечения их повседневных потребностей, солдаты чаще всего уважали чужую частную собственность.

Как подчеркивали современники, следовало различать ситуацию между департаментами, которые в течение августа–сентября были заняты немцами без серьезного сопротивления, и теми, где разворачивались бои, например, в Нижнем Рейне, Мозеле, Арденнах, Луаре, Сене, Сене-и-Уазе. То же касалось и осажденных крепостей: окрестности Парижа, Страсбурга, Туля, Меца, Бельфора и Орлеана были оставлены основной массой жителей и подверглись серьезному опустошению³¹.

Относительно незначительное число жертв со стороны мирного населения в ходе боевых действий также смягчало отношение к захватчикам. Гражданское население чаще страдало от перестрелок между французскими войсками и немецкими авангардами, нежели от спонтанных карательных действий. На этот факт указывало и расследование обстоятельств гибели четырех десятков жителей деревни Базейль³², борьба за которую развернулась в ходе одной из безуспешных попыток армии маршала Мак-Магона вырваться из окружения под Седаном.

Принимая во внимание оценки Ф. Рота, можно говорить как минимум о тысяче погибших и нескольких тысячах раненых гражданских лиц за семь месяцев боев. Львиная доля при этом пришлось на Бельфор, Париж и особенно Страсбург³³, где в ходе осады артиллерийскому обстрелу подверглись не только укрепления, но и жилые кварталы. Любопытно в этой связи, что последовавшая затем военная оккупация Страсбурга оказалась относительно бесконфликтной. Несмотря на обостренные жестокой осадой чувства страсбургцев, инциденты были редки. Чаще всего они выливались в ночные драки между подвыпившими горожанами и попавшимися им по пути небольшими группами солдат. За все время войны лишь два гражданских лица было расстреляно за покушения на жизнь немецких военнослужащих³⁴. Без инцидентов, как известно, обошлось и символическое вступление германских войск в Париж 1–2 марта 1871 г.

Вместе с тем стоит учитывать, что образ немцев как нации «варваров» и «грабителей» стал общим местом для французской цен-

³¹ Ruble A. Op. cit. P. 3–4.

³² Stoneman M.R. Op. cit. P. 275.

³³ Roth F. La guerre de 1870. P. 507–508.

³⁴ Chrastil R. Op. cit. P. 211–214.

тральной и региональной прессы еще в первые две недели войны³⁵, до первых обстрелов и разрушений Страсбурга и Парижа. Негативные клише существовали еще до начала тягот войны и оккупации. Со своей стороны, немецкие солдаты и офицеры также с самого начала разделяли массу предубеждений против французов и полагали, что «настало самое время преподать Франции урок»³⁶. Тем не менее о полной демонизации противника, которая оправдала бы любые жестокости, с обеих сторон речи не шло. Это снизило количество жертв, в том числе и среди гражданского населения.

Франко-германская война 1870–71 гг., безусловно, была далека от «стандартов» тотальной войны и в том, что касалось разрушений. Ни одна из сторон не осуществляла тактику «выжженной земли». Общий ущерб от разрушений, поборов, денежных штрафов, налогов и реквизиций натурой со стороны германских войск оценивался в 687 млн франков, что, по признанию французских официальных лиц, было «намного меньше, чем они предполагали»³⁷. Однако бремя войны легло на французские регионы очень неравномерно, что побуждает избегать усредненных оценок.

В чем франко-германская война отличалась от многих предшественниц, так это масштабами вовлечения в нее осенью-зимой 1870 г. рядового французского населения. С партизанами прусским войскам пришлось столкнуться еще в ходе австро-прусской войны 1866 г. в Богемии, Моравии и Верхней Силезии. Но масштаб этого явления во Франции оказался для них неожиданно³⁸. Надеждам командования остаться в рамках «цивилизованной» классической войны, при которой монополия на насилие сохранялась бы за государством, воплотиться было не суждено. Стрелять в немецких солдат и офицеров во французских городах начали практически с самого начала войны³⁹.

25 сентября 1870 г. французская пресса опубликовала первый из многочисленных призывов Гамбетты к крестьянам присоединиться к защите отечества, взять в руки «косы, топоры и вилы и обрушиться всей массой на вражескую армию. Останавливайте

³⁵ *Farenc C.* Op. cit. P. 30.

³⁶ *Rohrkraemer T.* Op. cit. P. 499.

³⁷ *Kanter S.* Op. cit. P. 24.

³⁸ *Stoneman M.R.* Op. cit. P. 273–274.

³⁹ См.: *Diancourt V.* Op. cit. P. 14–15.

их конвои, перерезайте их линии сообщения и уничтожайте их припасы»⁴⁰. В том, что касалось военной стратегии, Гамбетта, как известно, не последовал своим же громким публичным призывам, сделав ставку на подготовку новых регулярных формирований. Тем не менее добровольческим отрядам предстояло сыграть важную вспомогательную роль. К концу войны в 350 отрядах франтирёров числилось около 30 тыс. бойцов⁴¹.

Действия франтирёров не привели к перелому в войне, но главной своей цели – лишить неприятеля спокойствия на занятых им территориях – они достигли. Это неминуемо способствовало дальнейшему ужесточению оккупационного режима. При этом крестьяне, как выяснилось, в массе своей не были склонны оказывать активную помощь партизанам. Как отмечал Э. Лависс, большинство из них не только не имело оружия, но и не держало никогда его в руках. Равнины Шампани и Иль-де-Франс оставляли мало укрытий для нападающих⁴². Свое влияние на отношение населения оказывал и разгул преступности. Воспользовавшись хаосом войны, крестьян под видом франтирёров часто терроризировали обычные шайки бандитов. Кроме того, ресурсы деревни не были безграничны. Серьезные демографические потери постигли не только осажденный и голодающий Париж, но и французскую провинцию. Например, в департаменте Сарта (с административным центром в Ле-Мане) смертность в течение 1870 г. выросла на 25%, а в 1871 г. в два раза по сравнению с мирным временем, что дало 12 тыс. дополнительных смертей, в основном из-за распространения эпидемических заболеваний, помноженных на ухудшение питания и суровую зиму 1870/71 гг.⁴³

Однако главной причиной пассивности стал страх перед возможными репрессиями со стороны немцев. Практика захвата заложников и взимания с «провинившихся» городов и коммун денежных компенсаций была известна Европе как минимум со времен Наполеоновских войн. Немецкие военные власти широко задействовали ее в ответ на активизацию франтирёров. Гарантией выполнения требований становился арест мэров или местных

⁴⁰ Цит. по: *Forrest A. The Legacy of the French Revolutionary Wars: The Nation-in-Arms in French Republican Memory. Cambridge, 2009. P. 126.*

⁴¹ *Dirou A. Les francs-tireurs pendant la guerre de 1870–1871 // Stratégique. 2009. No. 1. P. 282.*

⁴² *Lavisse E. L'invasion dans le département de l'Aisne. Laon, 1872. P. 18.*

⁴³ *Tison S. Comment sortir de la guerre ? Deuil, mémoire et traumatisme (1870–1940). Rennes, 2011. P. 38.*

именитых граждан «нотаблей». В ряде случаев деревни, заподозренные в сотрудничестве или укрывательстве партизан, сжигались – мера особенно жестокая с наступлением холодов.

Набирали размах и диверсионные акты, самым известным среди которых стал взрыв железнодорожного моста в Фонтенуа-сюр-Мозель в ночь с 21 на 22 января 1871 г., нарушивший снабжение осаждавшей Париж германской группировки почти на две недели⁴⁴. Признанием этой угрозы стало такое сомнительное новшество франко-германской войны 1870–1871 гг., как использование заложников непосредственно на поездах. Чаще всего ими были представители муниципальных властей французских городов, для которых это быстро стало чем-то вроде регулярной повинности. Подобная практика неизменно вызывала их справедливый протест, поскольку они никак не могли нести ответственности за происходившее далеко за пределами их округов⁴⁵. Немцы же, очевидно, пребывали в полной уверенности, что городское и сельское население повсеместно поддерживало с партизанами тесные связи.

Практика репрессивных действий немцев побуждала Э. Лависа при описании ситуации на территории департамента Эна говорить о «прусском терроре», сеявшем ужас, панику и страдания⁴⁶. Современные французские историки, имея для сравнения опыт «тотальных войн» XX в., склонны не соглашаться со своим именитым коллегой и предшественником. Большинство акций против мирного населения носили спонтанный и ответный характер вслед за вылазками франтирёров или действиями отдельных лиц.

Случаи жестоких репрессий были не единичными, но и не массовыми. Пример все того же департамента Сарта может считаться показательным. За время войны немцами было расстреляно здесь 12 человек из числа гражданских лиц, еще около сотни взяты в заложники. К концу войны германские войска все чаще прибегали к карательным мерам, но, как считает С. Тисон, их действия были далеки от систематической политики террора⁴⁷.

Сравнение с ситуацией в департаментах, занятых германскими войсками в первые месяцы войны, ожидаемо показывает, что

⁴⁴ Rambeaux E. La Guerre de partisans en Lorraine. Le pont de Fontenoy (1870–1871). Nancy, 1873.

⁴⁵ Diancourt V. Op. cit. P. 73–76; Gollnisch A. Op. cit. P. 34; Laguerre J.-J. Op. cit. P. 137–140.

⁴⁶ Lavis E. L'invasion dans le département de l'Aisne. Laon, 1872. P. 28–29.

⁴⁷ Tison S. Op. cit. P. 36–37. Подробнее см.: Surmont A. Les Allemands dans la Sarthe. Le Mans, 1873.

больше всего страдало население районов на стыке контролируемых немцами и французским правительством зон, в местах сражений поздней осени – зимы 1870 г. Затягивание кампании, необходимость углубляться все дальше на вражескую территорию, постоянные марши и стычки, все более суровые погодные условия – все это сказывалось на отношении германских солдат к французскому населению.

Зимой 1870/71 гг. неприязненное отношение населения к оккупантам стало нарастать, а прежде единичные случаи активного сопротивления, актов саботажа, поджогов, обстрелов на коммуникациях немцев – множиться, причем характер многих из них указывал на действия одиночек из числа местного населения⁴⁸. В декабре 1870 г. в Меце и Страсбурге были учреждены два военных трибунала, судивших за антигерманскую деятельность. Один только трибунал в Меце с декабря 1870 по март 1871 г. вынес 130 обвинительных приговоров⁴⁹. По мнению Ф. Рота, если бы не последовавшее 28 января 1871 г. перемирие, война на северо-востоке Франции могла еще больше ожесточиться.

* * *

Ратификация предварительного мирного договора в конце февраля 1871 г. стала важным рубежом и в том, что касалось оккупационного режима. Дабы избавиться от постоянных трений с местным населением, германское руководство само поставило вопрос о скорейшем возвращении французской администрации. Уже в начале апреля 1871 г. на смену тихо исчезнувшим в одночасье германским префектам в оккупированные департаменты прибыли французские чиновники. Присутствие германских войск, однако, сохранилось: согласно тексту мирного договора, подписанного во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 г., их поэтапный вывод увязывался с выплатой пятимиллиардной контрибуции. Крайним сроком для этого устанавливалось 2 марта 1874 года⁵⁰. Договор предусматривал возможность и повторной оккупации германскими войсками французских областей в случае невыполнения его положений.

Период послевоенной оккупации оказался значительно менее обременительным для местного населения. С появлением фран-

⁴⁸ *Hiegel Ch.* Un aspect de la résistance à l'annexion à l'empire allemand en Moselle en 1870–1872 // *Cahiers lorrain*. 1971. Vol. 133. No. 4. P. 113–118.

⁴⁹ *Roth F.* La Lorraine annexée... P. 28.

⁵⁰ *Documents diplomatiques français* (далее – DDF). Ser. 1. Vol. 1. P., 1929. № 2. P. 8.

цузских префектов бесконтрольным реквизициям и изъятиям был положен конец, источником выплат стала государственная казна. Последним испытанием для многих городов и сельских коммун стал вывод германских войск, начавшийся для многих территорий с момента ратификации Франкфуртского мира и выплаты первого полумиллиарда контрибуции⁵¹. Сокращение численности германских войск смягчало и проблему размещения солдат на постой. Остававшиеся гарнизоны по большей части концентрировались в крупных городах, располагавших казармами. Тем не менее присутствие немцев на улицах и в кафе, парады с музыкой и развлекающимися знаменами также придавали этому периоду в восприятии современников-французов немало горечи⁵².

Германская оккупация оставалась проблемой для французской дипломатии. В условиях, когда французская армия фактически перестала представлять собой сколь-нибудь значащую силу, германские оккупационные войска являлись эффективным рычагом давления на французское правительство. Помимо политического и морального стимулов к скорейшему освобождению от непрощенных гостей добавлялся и существенный экономический: содержание германских гарнизонов обходилось Франции почти в три с половиной миллиона франков в месяц⁵³.

Командующий оккупационным корпусом во Франции генерал Эдвин фон Мантейфель, ставка которого вначале располагалась в Компьене, а затем была перенесена в Нанси, похоже, был действительно заинтересован во взаимопонимании с Парижем, от чего зависел успех его собственной миссии. Однако пребывание германских солдат на французской земле продолжало порождать постоянные эксцессы, и некоторые из них приобрели громкую огласку. Особенно серьезным испытанием для франко-германских отношений стали факты участвовавших во второй половине 1871 г. нападений на германских солдат и офицеров на оккупированных территориях⁵⁴. Подлили масла в огонь решения французских судов присяжных, вынесшие нападавшим оправдательные приговоры.

⁵¹ Merlet L. *Aperçu général sur l'invasion prussienne dans le département d'Eure-et-Loir*. Chartres, 1872. P. 11.

⁵² Roth F. *Occupation et libération des départements lorrains // La guerre de 1870–71 et ses conséquences...* P. 315–316.

⁵³ См.: Mitchell A. *The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic*. Chapel Hill, 1979. P. 46–47.

⁵⁴ Сен-Валье – Ремюза, 19 августа и 19 ноября 1871 г. // DDF. Vol. 1. № 47 и № 77. P. 68, 100.

Французское руководство поспешило отмежеваться от вынесенных приговоров. Выступая в Национальном Собрании, глава правительства Луи-Адольф Тьер назвал их «отвратительной ошибкой», а внешнеполитическое ведомство подчеркивало независимое положение суда во Франции. В ответ на угрозы германской стороны приостановить переговоры по освобождению территории, было твердо заявлено, что продление существующего положения приведет лишь к обратному результату, а именно к учащению конфликтов⁵⁵.

В итоге к осуществлению угрозы продлить сроки оккупации германское правительство так и не прибегло. Эта мера не была бы, по всей видимости, популярна ни в германском обществе, ни у самих немецких солдат во Франции. Германский писатель и журналист Густав Фрейтаг свидетельствовал, что с заключением мира для германских солдат и офицеров во Франции настало «время прозаичной, тягостной службы», и в их письмах на Родину не было недостатка в жалобах. Он признавал, что «ожесточенная война» сделала солдат «необузданными» (*unbändig*), ослабив дисциплину даже лучших войск⁵⁶.

Немного разрядило обстановку соглашение 12 октября 1871 г., определявшее порядок дальнейших выплат контрибуции. После его реализации германское присутствие сохранилось лишь в 6 французских северо-восточных департаментах, а сам оккупационный корпус сократился до 50 тысяч солдат⁵⁷. Однако на первый план вышли новые проблемы, порожденные реализацией положения об оптации жителей Эльзас-Лотарингии в пользу французского гражданства или германского подданства, предусмотренной мирным договором.

С весны 1872 г. в приграничные департаменты Франции устремился поток эмигрантов из «имперской провинции», породив массу новых социальных проблем. Усугубляло ситуацию то, что значительную долю их составляли юноши, стремившиеся уклониться от призыва в германскую армию, который должен был пройти в Эльзас-Лотарингии в начале октября. Чувствительные к внешней угрозе, французские власти стремились всеми силами избежать обвинений Берлина в поощрении подобной эмиграции, осуществлявшейся к тому же с нарушением германского законодательства.

⁵⁵ DDF. Vol. 1. № 96, 99. См. также прим. к № 99. P. 121.

⁵⁶ Freytag G. Die Lage in Frankreich und unser Gewinn (Im Neuen Reich. 1871. Nr. 15) // Gesammelte Aufsätze. Leipzig, 1888. S. 507–509.

⁵⁷ DDF. Vol. 1. P. 88–91.

Дополнительные сложности доставляли патриотические манифестации эльзас-лотарингцев в условиях германской оккупации северо-восточных департаментов страны. Массы молодежи из числа эмигрантов заполняли кафе и площади приграничных городов, распевали патриотические песни и постоянно ввязывались в ссоры с немецкими солдатами, что подавало опасный пример местному населению. В городах Нанси и Туль подобные стычки привели к кровопролитию и арестам, причем и там и там жители выказывали открытую симпатию к нападавшим на немецких солдат и офицеров⁵⁸. Возникла опасность того, что германские оккупационные силы в ответ предпримут попытки массовых арестов и высылки в Германию подобных уклонистов.

Поэтому осенью 1872 г. французскими властями по распоряжению Тьера была предпринята масштабная эвакуация нескольких тысяч молодых смутьянов из оккупированных районов в соседние незанятые противником департаменты⁵⁹. Предпринятые меры предосторожности не помешали распространению в Нанси слуха о якобы грозящих эльзасцам массовых арестах со стороны немцев, что ввергло население города в состояние паники. Тем не менее, как сообщали телеграммы префектов с мест, конвой с молодыми уроженцами Эльзас-Лотарингии проследовали из оккупированных департаментов без эксцессов⁶⁰. Генерал Мантейфель проявил заметную выдержку, согласившись замять все произошедшие инциденты, не желая дополнительно накалять обстановку⁶¹. Немецкое командование и в дальнейшем не вмешивалось в ситуацию, несмотря на недовольство отдельных офицеров.

Конец тревогам положило лишь подписание в марте 1873 г. заключительной франко-германской финансовой конвенции о досрочной выплате контрибуции, осуществленной к 5 сентября 1873 г. Параллельно с этим с 5 июля освобождались департаменты Вогезы, Арденны, Мёрт-и-Мозель, Мёз и крепость Бельфор⁶². Для четырех приграничных департаментов Франции германская оккупация, таким образом, растянулась почти на три го-

⁵⁸ Телеграмма Сен-Валье от 28 сентября 1872 г. (Секретно) // Archives des affaires étrangères (далее – ААЕ). 2QO Guerre de 1870. 173 Affaires militaires. Dossier «Les jeunes gens de l'Alsace-Lorraine dans les départements de l'Est (septembre 1872–janvier 1873)».

⁵⁹ Тьер – Сен-Валье, 28 сентября 1872 г. // Doniol H. M. Thiers, le Cte de Saint-Vallier, le général de Manteuffel. Libération du territoire, 1871–1873. Documents inédits. P., 1897. P. 272.

⁶⁰ ААЕ. 2QO / 173.

⁶¹ Ремюза – Сен-Валье, 29 сентября 1872 г. // ААЕ. 2QO / 173.

⁶² DDF. Vol. 1. № 191. P. 225.

да и оставила самые глубокие воспоминания. 16 сентября 1873 г. германские войска покинули Верден, последний из французских городов.

* * *

Опыт оккупации периода франко-германской войны 1870–1871 гг. оказался весьма различным для разных французских департаментов и регионов. Жители большого количества коммун даже в северной части Франции так и не увидели воочию ни одного германского солдата, зато образ жизни других претерпел столь радикальные перемены, что заставил говорить о «германской колонизации». Поведение немецких солдат во многом задавалось в материальном и психологическом плане германским же командованием. Сам принцип снабжения войск подразумевал обращение к практике реквизиций и захвата заложников. Репрессивные действия были подчинены принципу «военной необходимости», носили преимущественно реактивный характер и не были подчинены четкой системе.

Французы же в восприятии немецких солдат и офицеров рисовались куда более фанатичными патриотами, полными ненависти ко всему немецкому, чем это, похоже, было в реальности. Для С. Кантера многочисленные факты стремления французской провинции вести нормальную жизнь под отнюдь не железной пятой оккупанта послужили признаком недостатка патриотизма, равно как и доказательством того, что война 1870–1871 гг. для французов не стала «народной»⁶³. Однако на основе опыта конфликтов XX в. современные исследователи приходят к выводу, что стремление по возможности освоиться и приблизить к нормальному свое существование в условиях войны является вполне естественной реакцией. Как справедливо подчеркивает в этой связи С. Одуэн-Рузо, отклик на войну французов был довольно разным, и, скажем, патриотизм города нельзя противопоставлять безразличию деревни. Реакция французского населения варьировалась в зависимости от места и времени⁶⁴.

Оккупационный режим на занятых германскими войсками территориях постоянно менял свой характер, подчиняясь течению самой войны. Он отличался рядом особенностей. Оккупированная зона никогда не была полностью отрезана от остальной страны,

⁶³ Kanter S. Op. cit. P. 15–16.

⁶⁴ Audoin-Rouzeau S. Op. cit. P. 133–137.

равно как не был тотальным и контроль оккупационных властей. Они не ставили своей задачей ни опустошение вражеской территории, ни причинение максимальных страданий гражданскому населению, что, впрочем, не исключало эксцессов. Складывается впечатление, что в декабре 1870 – январе 1871 гг. ужесточение оккупационного режима начало приобретать новое качество, однако путь к тотальной войне, по счастью, так и остался не пройден.

Список литературы

- Archives des affaires étrangères (AAE). 2QO Guerre de 1870. 173 Affaires militaires. Dossier «Les jeunes gens de l'Alsace-Lorraine dans les départements de l'Est (septembre 1872–janvier 1873)».
- Audoin-Rouzeau S. 1870. La France dans la guerre. P., 1989.
- Chrastil R. The Siege of Strasbourg. Harvard, 2014.
- Délerot É. Versailles pendant occupation. P., 1872.
- Desjardins G. Tableau de la guerre des Allemands dans le département de Seine-et-Oise. P., 1873.
- Diancourt V. Les Allemands à Reims, 1870–1871. 2e éd. Reims, 1884.
- Dirou A. Les francs-tireurs pendant la guerre de 1870–1871 // Stratégique. 2009. No. 1. P. 279–317.
- Dirou A. La guérilla en 1870: résistance et terreur. P., 2014.
- Documents diplomatiques français (DDF). Ser. 1. Vol. I. P., 1929.
- Doniol H. M. Thiers, le Cte de Saint-Vallier, le général de Manteuffel. Libération du territoire, 1871–1873. Documents inédits. P., 1897.
- Farenc C. Guerre, information et propagande en 1870–1871: le cas de la Champagne // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1984. T. 31. N 1. P. 27–53.
- Freytag G. Gesammelte Aufsätze. Leipzig, 1888.
- Mitchell A. The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979.
- Gollnisch A. Quelques documents sur Sedan pendant la guerre et l'occupation, 1870–1873. Sedan, 1889.
- Hiegel Ch. Un aspect de la résistance à l'annexion à l'empire allemand en Moselle en 1870–1872 // Cahiers lorrain. 1971. Vol. 133. N 4. P. 113–118.
- Kanter S. Exposing the Myth of the Franco-Prussian War // War & Society. 1986. Vol. 4. Issue 1. P. 13–30.
- Kolb E. Der Weg aus dem Krieg. Bismarcks Politik im Krieg und die Friedensanbahnung 1870/71. München, 1990.

- La guerre de 1870–71 et ses conséquences: Actes du XXe colloque historique franco-allemand. Bonn, 1990.
- Laguerre J.-J.* Les Allemands à Bar-le-Duc et dans la Meuse, 1870–1873. Bar-le-Duc, 1874.
- Lavissee E.* L'invasion dans le département de l'Aisne. Laone, 1872.
- Le Moniteur prussien de Versailles / Publ. par D'Heylli. 2 vol. P., 1871.
- Merlet L.* Aperçu général sur l'invasion prussienne dans le département d'Eure-et-Loir. Chartres, 1872.
- Palat B.-E.* Bibliographie générale de la guerre de 1870–1871. P., 1896.
- Parisot G.* De la négociation comme instrument d'occupation pacifiée et d'exploitation économique efficace pendant la guerre de 1870–1871 // Le temps des hommes doubles. Les arrangements face à l'occupation, de la Révolution française à la guerre de 1870. Rennes, 2013. P. 279–302.
- Rambeaux E.* La Guerre de partisans en Lorraine. Le pont de Fontenoy (1870–1871). Nancy, 1873.
- Rohkrämer T.* Daily Life at the Front and the Concept of Total War // On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871. Cambridge, 1997. P. 497–518.
- Roth F.* La guerre de 1870. P., 1990.
- Roth F.* La Lorraine annexée: Étude sur la Présidence de Lorraine dans L'Empire allemande (1870-1918). 2e éd. Nancy, 2007.
- Royneet O.* Vainqueurs et vaincus: réflexions sur l'historiographie de l'occupation en Europe (XIXe siècle – Première Guerre mondiale) // Les comportements collectifs en France et dans l'Europe allemande 1940-1945. Rennes, 2015. P. 285–292.
- Ruble A., baron de.* L'Armée et l'administration allemandes en Champagne. P., 1872.
- Saucerotte T.* Lunéville pendant la guerre et le rapatriement. P., 1872.
- Stoneman M.R.* The Bavarian Army and French Civilians in the War of 1870–1871: A Cultural Interpretation // War in History. 2001. Vol. 8. Issue 3. P. 271–293.
- Surmont A.* Les Allemands dans la Sarthe. Etude sur leur conduit pendant l'occupation d'après les enquêtes faites dans le département. Le Mans, 1873.
- Tison S.* Comment sortir de la guerre? Deuil, mémoire et traumatisme (1870–1940). Rennes, 2011.
- Waltz G.* Erlebnisse eines Feldarztes der badischen Division im Kriege 1870–71. Heidelberg, 1872.

Andrei V. Bodrov

**THE GERMAN OCCUPATION OF FRANCE 1870–1873:
THE ROAD TO TOTAL WAR WHICH WAS NOT TAKEN**

The German occupation of France in 1870-1873 belongs to the number of under-investigated themes even for the French historiography, especially comparing with the interest to the similar experience of the both World wars. The problem of reconstruction of impartial and truly full-scale depiction is still perfectly actual and unresolved. The author of article attempts to outline the special issues of the German occupation, the measure of engendered conflicts and principal stereotypes of mutual perception of the victors and defeated. This analysis will take into consideration the course of political events and military operations as well. The chronology of the very occupation divides it into two stages: the period of war and the period of the postwar occupation («occupation de garantie») aimed to guarantee the implementation of the peace treaty's provisions (March 1871 – mid-September 1873).

Keywords: Franco-German war 1870–71, occupation, total war, hostages, resistance, perception